

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2018.3.08

Правильная ссылка на статью:

Бараш Р.Э. Системно-коммуникативная теория протеста: протест как «альтернатива без альтернативы» // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 123—138. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.08>.

For citation:

Barash R. Ed. (2018) Systematic and communicative theory of the protest movement: protest as “an alternative without an alternative”. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 123—138. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.08>.

Р. Э. Бараш

СИСТЕМНО-КОММУНИКАТИВНАЯ ТЕОРИЯ ПРОТЕСТА: ПРОТЕСТ КАК «АЛЬТЕРНАТИВА БЕЗ АЛЬТЕРНАТИВЫ»

СИСТЕМНО-КОММУНИКАТИВНАЯ ТЕОРИЯ ПРОТЕСТА: ПРОТЕСТ КАК «АЛЬТЕРНАТИВА БЕЗ АЛЬТЕРНАТИВЫ»

SYSTEMATIC AND COMMUNICATIVE THEORY OF THE PROTEST MOVEMENT: PROTEST AS «AN ALTERNATIVE WITHOUT AN ALTERNATIVE»

БАРАШ Раиса Эдуардовна — кандидат политических наук, научный сотрудник Института логики, когнитологии и развития личности, Москва, Россия. E-MAIL: raisabarash@gmail.com ORCID: 0000-0002-5899-973X

Raisa Ed. BARASH¹ — Cand. Sci (Pol.), Researcher E-MAIL: raisabarash@gmail.com ORCID: 0000-0002-5899-973X

¹ Institute for Logic, Cognitive Science and Development of Personality, Moscow, Russia

Аннотация. Постулируя тезис о предельной размытости причин возникновения протестных движений, в рамках статьи автор пытается применить системно-теоретический подход к интерпретации эмпирической феноменологии и таксономии протеста. Признавая «традиционные» (структур-

Abstract. The author argues that the causes of the protest movements are not very clear. So, as it is denoted in the article, one could apply to the systematic and theoretical approach for the interpretation of empirical phenomenology and taxonomy of protest. The author argues that such «traditional» approach-

но-критический и ресурсно-мобилизационный) подходы к интерпретации причин возникновения протестных настроений несостоятельными, автор предлагает использовать системно-коммуникативный подход для анализа разнообразных форм социального радикализма как особого типа коммуникации. Автор интерпретирует протестные движения в качестве специфической коммуникации, ориентированной на общий для данных коммуникаций бинарный медиакод и общую протестную тему. Применяя системно-коммуникативный подход к анализу протестного движения, автор вводит категорию общественного иммунитета как категорию описания и объяснения девиантных форм коммуникации.

Ключевые слова: протест; коммуникация; системно-коммуникативный подход

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Российского Научного Фонда, проект № 17-78-10238 «Новые формы общественной коммуникации и радикализм в условиях информационного общества. Системно-коммуникативный анализ».

Новые социальные движения и их функции

В 1960-е годы социальные теоретики столкнулись с новым типом социальных явлений — протестным движением, или *новыми социальными движениями* в самых разнообразных формах. Эти движения радикально отличались как от традиционных форм профсоюзно-организованного рабочего движения, выдвигавшего преимущественно экономические требования, так и от всех известных форм политической «партийно-организованной» борьбы.

Новые движения, как правило, не кристаллизовывались в виде *организаций*, принадлежность к которым всегда носит более или менее формализованный характер (правила членства, устав, программа), но охватывали широчайшие сферы коммуникации и культуры. При этом границы протестных движений остаются предельно размытыми. Невозможно четко определить, обусловлено ли общее

for the interpretation of the protest movement as the structural-critical and resource-mobilization approaches are insolvent, so one should apply to the systematic and communicative approach for the analysis of the various forms of social radicalism as a special type of communication. The author suggests to interpret protest movements as a specific communication, that is oriented towards a common binary media code for common communications and towards a common protest theme. Applying to the systematic and communicative approach of the protest movement' analysis, the author introduces the category of social immunity as a category of description and explanation of the deviant forms of communication.

Keywords: protest, communication, systematic and communicative approach

Acknowledgment. The paper is supported by the Russian Science Foundation (RSF) under grant no. 17-78-10238 «New forms of public communication and radicalism in the information society. System-communicative analysis»

возмущение только некоторыми политическими решениями, исключительно экономическими условиями, экологической ситуацией, или за ними стоят некоторые личные депривации, неостребованность в традиционных сообществах и коллективах. Далеко не всегда можно обнаружить интегрированное «сообщество-враг», которое бы противостояло тому или иному протестующему сообществу в виде *реальной группы* или коллектива.

Ранее мы сформулировали идею трехмерного «гиперпространства протеста» (в предметно-тематическом, временном и социальном измерениях¹), что позволило предложить реестр ряда эмпирически-фиксируемых типов по трем основаниям: *тема/сообщество/враг* [Бараш, Антоновский, 2018b]:

- ухудшение экологии/экологическое движение/конкретное предприятие или отрасль промышленности;
- гендерное неравенство/феминизм/мужчины;
- расовая дискриминация/антирасовые выступления/WASP;
- ультраправая идеология/антифашизм/неонацисты;
- государственный произвол/движение правозащитников/чиновники;
- локальное обнищание/антиглобализм/международные корпорации;
- неолиберализм/движение коммунитаризма/идеология индивидуализма;
- мировая конъюнктура/движение фермеров/сельхоз-корпорации;
- сексуальная дискриминация/ЛГБТ-движение/традиционалистские ценности;
- «пиратское» движение/приватизация публичных благ/правообладатели;
- гонка вооружений/движение за мир/ВПК;
- образовательная политика/студенческое движение/профессора и менеджмент образования;
- безработица/движение безработных/работодатели;
- отсутствие социальных лифтов/молодежные субкультуры/устоявшаяся социальная структура;
- голод и бедность в развивающихся странах/движение в поддержку стран третьего мира/колонизаторы — универсализация культур;
- национализм/пренебрежение к национальным идентичностям/имперский центр — колонизаторы.

Собственно, по вопросу эмпирической классификации протестных движений не ведется особых дискуссий, хотя региональная специфика в протестных движениях, несомненно, присутствует. К примеру, в России имеет место уникальное движение протеста, предметно кристаллизующееся вокруг темы недофинансирования научных исследований².

¹ Это означает, что для фиксации всякого конкретного протеста в означенных трех горизонтах следует указать тему, событие-триггер и сообщество-враг.

² Нельзя не отметить, что и научный протест не представлен единым сообществом, но распадается на слабо координирующиеся между собой типы. Речь идет об *интерактивном* типе движения, к которому прежде всего можно отнести *Общество научных работников*, лишенное жестких организационных структур; жесткий и наиболее консервативный организационный вид протестного движения (*Профсоюзы организаций РАН* и других научных образовательных учреждений), а также *массмедийно-ориентированный* тип научного активизма, который представляет газета «*Троицкий вариант*», и, наконец, *социально-сетевой* тип научного протеста — сообщество «*Диссернет*». Подробнее см.: [Бараш, Антоновский, 2018a; Antonovskiy, 2017: 68—75]

Многие авторитетные социологи и философы усматривают функции новых социальных движений в обеспечении вариативности социальной жизни, создания пула для селекции инновативных решений, социальных трансформаций и формулирования альтернатив существующему порядку.

В частности, Ю. Хабермас и П. Штомпка разделяют идею о «прогрессивной» функциональной роли новой коммуникативной системы. Хабермас развивает концепт коммуникативного дискурса, рациональность которого принято связывать с ресурсами некоего «чистого языка повседневности». Такой язык, опираясь на повседневный «жизненный мир», делает возможной особого рода коммуникативную рациональность, свободную от влияния «чуждых» этому миру и инструментально-рациональных, прежде всего административных и хозяйственных, медиа или мотиваций (денег и власти). И эта функция как нельзя лучше подходит новым социальным движениям, заявляющим о себе как о принципиально экстра-политическом и некоммерческом активизме [Habermas, 1969]³.

Напротив, П. Штомпка отклоняет гипотезу о функциональной роли социальных движений как «двигателей истории и эволюции», поскольку, по его мнению, в этом случае возникает каузальный парадокс. Ведь в таком понимании социальные движения выступают одновременно и причинами, и следствиями социальных изменений: и носителями-факторами социального процесса и, одновременно, следствиями исторических законов.

Однако и в его концепции все-таки находится место позитивной оценке протестных движений. Ориентируясь на идею «структуриации» Э. Гидденса, Штомпка вводит понятие *социоиндивидуального поля*, где индивид (атом) и общество (поле) составляют единую реальность, пребывающую в состоянии самопревращения. Поле состоит из *событий*, связывающих некие сами по себе неполноценные сущности: *индивидов и социальные единства* (т. е. функциональные системы политики, хозяйства и т. д.). В этом смысле протестный активизм, как такого рода социоиндивидуальное поле, возбуждаемое «социальным чувством несправедливости» [Штомпка, 2017], может истолковываться как искомое возвращение к утраченной ныне связи человека и института⁴.

Понимание социального движения как агента и выразителя социальных *альтернатив* развивают Э. Лаклау, Ш. Муфф, А. Турен, К. Оффе, М. Кастельс. И. Валлерстайн и другие. Обобщая их взгляды, можно выделить центральную идею: агентом социальных изменений и ядром новых социальных движений является «новый средний класс». Этот класс не обладает достаточной степенью организационного единства в сравнении с хорошо организованным (в профсоюзы, партии) «низшим, подавляемым классом». Но он берет на себя новые функции: задачи защиты (изменения) образа жизни и легитимации новосозданных идентичностей

³ «Эта идея в большей степени характеризует функции социальных движений: они более не канализируются через партии и ассоциации; их уже не подчинить путем компенсаций. Скорее, эти новые конфликты возникают в областях воспроизводства культуры, социальной интеграции и социализации; они осуществляются в ... эстрапарламентской форме протеста... Их вопрос не является преимущественно требованием компенсаций, которые способны обеспечить государство всеобщего благоденствия, они ставят вопрос защиты и восстановления находящихся под угрозой способов жизни» [Habermas, 1969: 382].

⁴ «Социальные единства и люди лишь по видимости осуществляют самостоятельную экзистенцию; их разделенность и противопоставленность суть продукт некоторой ложного, извращенного представления» [Sztompka, 1994].

и культур, выступающих новыми условиями жизни этого класса. Эти условия имеют для него не меньшую значимость, чем его социально-экономические интересы. Члены этого нового класса переживают депривации, вызванные социальными структурными деформациями, и, участвуя в протестных движениях, утверждают альтернативные формы жизни [Touraine, 1985; Castells, 2004: 3; Laclau, Mouffe, 1985; Offe, 1985].

Этому *структурно-критическому подходу*, усматривающему в протестных движениях функцию социальных трансформаций и создания альтернативных идентичностей и форм социальной жизни, противостоит так называемая *ресурсно-мобилизационная концепция протестных движений*⁵.

Разного рода социальные (культурные, экономические) кризисы ухудшают положение традиционных элит и институтов, которым приписывают ответственность за фиаско их патерналистских функций. Это увеличивает шансы новых организационных форм, которые в качестве ресурса и используют их лидеры для достижения личного успеха в рамках традиционных систем — в политике, экономике и даже науке.

С учетом вышеозначенной полемики между ресурсно-мобилизационным и структурно-критическим подходами⁶ эта же проблема формулируется в виде следующей дилеммы.

Формулируют ли новые социальные движения альтернативы существующему социально-экономическому порядку, культурным нормам и ценностям, традиционным идентичностям и жизненным стилям либо же выступают лишь ресурсами или социальными лифтами для проникновения в традиционные системы новых лиц и формирования новых элит?

В рамках данной статьи мы будем использовать *системно-коммуникативный подход для анализа социальных движений*⁷ как некую третью возможность объяснения генезиса и функций протестных настроений. Это требует рассматривать все формы социального протеста как особого типа коммуникации, ориентиро-

⁵ Странники этой концепции (во многом ориентируясь на влиятельную *теорию рационального выбора* Дж. Коулмана) рассматривают протестные движения как своего рода квазиэкономических агентов. Эти агенты вступают в конкуренцию за ресурсы с традиционными институтами и организациями. Участники протеста с этой точки зрения исчисляют собственную некую личную «полезность» своих действий, или «прибыль» (в самом широком значении этого слова), сопоставляют ее с возможными издержками и таким образом рационально взвешивают и решают в пользу участия или отказа в протестной деятельности как способе обеспечить рост карьеры [McAdam, McCarthy, Zald, 1996: 141—151].

⁶ Конечно, мы, следуя методологии И. Лакатоса, отдаем себе отчет, что даже самая фундаментальная дилемма в науке далеко не исчерпывает весь спектр возможных объяснений, а опровержение одной части дилеммы не доказывает автоматически истинность другой. У протестной системы коммуникаций могут быть и какие-то другие причины. Например, она может выполнять некоторую вспомогательную задачу для некоторой традиционной коммуникативной *гранд-системы* (например, для политики) или вообще не иметь никакой функции. Последний взгляд разделяет Н. Луман, полагающий, что функции системы протеста могут исчерпываться задачей воспроизводства собственных специфических (в данном случае протестных) коммуникаций и не вносить никакого вклада в развитие общества в целом. Наконец, оба объяснения генезиса новой системы в рамках этой дилеммы, очевидно, имеют и некоторое общее основание, поскольку в обоих объяснениях протест понимается как фактор социальной динамики, не важно, идет ли речь о личном, карьерном росте или трансформации общества и его систем. Протест предстает (конечно, в метафорическом и не физическом смысле) в виде некоторого «импульса» или некой «энергии в чистом виде» (П. Штомка), которая затем принимает самые разные формы: мотивирует элиты, мобилизует индивидов, рекрутирует членов организаций, провоцирует ответ со стороны «гранд-систем» и т. д.

⁷ В современной западной социологии данный подход представлен идеями Н. Лумана, Р. Мюнха, Дж. Александера, К. Йаппа. Отечественную версию системно-коммуникативного подхода см.: [Момджян и др., 2016].

ванные на общий для данных коммуникаций *бинарный медиакод* и *общую протестную тему*. Развивая этот подход применительно к протестному движению, мы не только критически проанализируем интерпретации протеста как ресурса развития и формы *проявления гражданского общества* (первый раздел данной статьи), но и предложим (существенно выходя за пределы лумановской версии системно-коммуникативного подхода) свое видение *социальной функции* этой коммуникативной системы (второй раздел), рассмотрим принципы распространения протестных идей (третий раздел) и, наконец (в заключение), попытаемся осветить новейшие формы, глобализационные перспективы и следствия новых социальных движений, имея в виду в том числе и российскую специфику.

Протестные движения на службе гражданского общества — функции индикации и резонанса

Как утверждает Христиан Фухс, концептуализируя протестное движение с точки зрения «структурно-критического» подхода, «социальные движения выполняют роль неинституционализованного и необходимого для гражданского общества механизма общественной самокритики». «Коммуникация организует коллективные практики протестных движений, такие как демонстрации, петиции, бойкоты, гражданское неповиновение, работы с медиа и средствами информации, публикации, дискуссии и т. д. Эти коллективные практики социальных движений (которые образуют коллективных акторов) производят и воспроизводят — как часть системы *гражданского общества* — альтернативные и оппозиционные темы и ценности в политической публичной сфере» [Fuchs, 2005: 118].

Можно было бы согласиться с Фухсом и признать движения протеста «частью гражданского общества» с их особой функцией, состоящей в том, чтобы в дополнение к *внутренней* (т. е. системно-институционализованной) критике осуществлять критику *извне* и тем самым восполнять наблюдательный дефицит системной политической оппозиционно-партийной и внутрипартийной критики.

Однако этот концепт Фухса, как мне кажется, не объясняет, как в рамках гражданского общества локализовать «плохие» формы протеста (скажем, правый радикализм), которые оказываются в отношениях конфронтации со своим «хорошим» врагом (скажем, движениями «антифа»). Должны ли мы включать в гражданское общество националистические, расистские движения, радикальные движения футбольных фанатов? Почему один вид критики социального порядка мы склонны допускать и разрешать, тогда как другие формы протеста отклоняются как несовместимые с нашими принципами?

Конечно, эту проблему до некоторой степени можно обойти, если вводить, как это делает Н. Луман, возможно, опираясь здесь на Э. Дюркгейма, некоторое расширительное толкование функции протеста [Luhmann, 1996: 175—200]. Протест понимается Луманом как некая форма аномии с функцией, которая состояла бы не столько в критике наличных структур, сколько в *создании препятствий* для самоочевидных и как бы естественных системных (политических и экономических) социальных порядков и тем самым — в их *«тестировании на реальность»*⁸.

⁸ Идею «тестирования социального порядка на реальность» как особой функции, как известно, высказал К. Мангейм, но на роль реализатора этой задачи он возводил утопические и идеологические формы сознания [Мангейм, 1994: 85—86].

Функция протеста состояла бы тогда не столько в разрешении структурных проблем, сколько в *индикации* и *фокусировании наблюдения* гражданского общества, а также, не в последнюю очередь, в корректировке наблюдения и самих гранд-систем (политики, хозяйства, образования и т.д.). Ведь последние не способны фиксировать собственные дисфункции, и прежде всего — неспособность наблюдать внешний мир без использования исключительно своих собственных и очень ограниченных наблюдательных инструментов или оптики⁹.

Такое определение протеста как *социального факта* (по Дюркгейму), апеллирует к некоторой *необходимости*, сопротивляемости, в конечном счете — к тому, что можно обозначить как *социальную реальность*, с которой вынуждены считаться традиционные системы и что пробуждает их от их «самореференциального сна». В этом смысле экстремистские идеологии и движения действительно выполняют «резонансную» и «индикационную» функцию, где аномия и преступления, как это представлялось и Дюркгейму, вызывая общественный резонанс и всеобщее возмущение, могут служить минимизации аномии и экстремизма¹⁰. Это дюркгеймианское истолкование по крайней мере некоторых форм «экстремизма» (аномии) как некой социальной патологии требует введения понятия *социального иммунитета*, применение которого мы обосновываем в четвертом разделе.

Аномийные формы протеста в функции социального иммунитета

Вернемся к теории протестного движения и выявления его ключевой *латентной функции*¹¹. Мы также не можем принять идею Никласа Лумана о том, что у протестного движения вообще могут отсутствовать функции¹², хотя и разделяем точку зрения, что коммуникативная система кристаллизуется как продукт эволюции, как реакция, не обязательно направленная на решение некоторых *явным образом* заявленных общественных задач.

В этом смысле в качестве таковой социально значимой функциональной задачи протеста мы выделяем *функцию апробации новых ценностей в малых сообществах* без процессирования их в рамках *больших систем* и *в обществе в целом*.

Именно это позволяет нейтрализовать опасность внедрения новых ценностей, хорошо интегрирующихся в малых масштабах, но оказывающихся деструктивными в больших сообществах. Эти «хорошо интегрирующие» ценности позволяют эффектив-

⁹ Так, политическая система наблюдает с помощью дистинкции *власть/безвластие*. Тем самым в ее фокус попадают лишь те коммуникации, которые потенциально интересны для власти имущего лишь из перспективы усиления или ослабления его властных позиций, а не точки зрения реальных вызовов со стороны внешнего мира политики. [Антоновский, Бараш, 2017: 120—134].

¹⁰ В более развернутом виде и с привлечением эмпирического материала этот тезис представлен здесь: [Бараш, Антоновский 2018b; 2018c].

¹¹ Мы используем это мертоновское понятие, имея ввиду неочевидность и комплексность социальной задачи протеста.

¹² По мнению Лумана, «кодирование операций выше функций», т.е. для кристаллизации системы достаточно того, чтобы всякая коммуникация относилась бы (или не относилась) себя к данной системе, выражала или не выражала *commitment* (некоторую диспозицию к действию) в отношении данной темы или демонстрировала безразличие [Luhmann, 1994: 64]. На наш взгляд, это противоречит главной установке системно-коммуникативной теории — тому, что лишь из перспективы наблюдателя (понятого в самом широком смысле) то или иное достижение системы может рассматриваться как (полезная) функция. Так, выделение кислорода в ходе фотосинтеза «с точки зрения» потребителя кислорода рассматривается как важнейшая функция высших растений. Хотя для самого растения это является неким побочным феноменом, а не функциональным достижением.

но аккумулировать протестную энергию в малых масштабах и приводят к замыканию малых групп. Однако именно в силу означенной замкнутости и малочисленности сообществ и некой «центростремительности» их коммуникаций эти ценности апробируются без риска «инфицирования» больших сообществ (они словно «черные дыры», позволим себе эту неочевидную метафору, настолько сильно аккумулируют вещество и энергию, что последние не способны вырываться за пределы собственных границ). В этом мы усматриваем еще одну (помимо вышеозначенных «резонансных» и «индикационных») позитивную функцию негативных форм протестных движений.

Тезис о *позитивных функциях дисфункциональной коммуникации* не должен пугать своей парадоксальностью. Об этом можно говорить в том же смысле, в котором медицина и эволюционная теория может рассматривать болезнь, мутации, смерть как позитивную функцию для популяции, поскольку только некое «устранение» нежизнеспособных индивидов и популяций делает возможным эволюционное усложнение организмов, формирование полезных свойств и в этом смысле оказывается движущей силой процесса приспособления живых видов.

Однако для того, чтобы в обществе сформировались негативные нормативные ожидания протестных ценностей, последние должны в обществе в каком-то смысле — *в их прививочной функции и форме* — все-таки присутствовать.

Эти размышления требуют введения важного понятия в анализе протестных движений, которое мы обозначаем как функцию *общественного иммунитета*. Это, на наш взгляд, позволяет дать описание и объяснение и в каком-то смысле «оправдать» то, что в обществе не получает оправдания — девиантные формы коммуникации. Мы видим, как западные общества допускают такие аномальные формы, развивая соответствующую семантику соответствующих свобод (свободу слова, вероисповеданий, индивидуальных жизненных стилей и т. д.). Эта семантика, безусловно, предполагает некоторый самообман. Ведь она основывается на *мнимом* различении действий и переживаний. В ее контексте некоторые действия (то есть сообщения, которые вне всякого сомнения являются действиями, а не только вербализацией ментальных актов) интерпретируются как выражение внутреннего мира, как мысли и переживания. Эти вербализации (за известными исключениями прямых призывов к насилию и оскорблений) могут осуждаться обществом, но не должны подлежать наказанию, криминализироваться и, соответственно, санкционироваться, поскольку, не определяясь как «социальные действия», полагаются социально безопасными.

Как следствие в этом, виртуальном виде, соответствующие (чаще всего неудачные в перспективе интеграции больших сообществ) нормативные и ценностные *мутации* делают возможной жесткую интеграцию малых групп, тестируются и, наконец, отклоняются обществом. Или, в исключительно редких случаях, они все-таки акцептируются и оказываются востребованными большими сообществами¹³.

Таковыми позитивными (т. е. интеграционно-значимыми в больших социальных масштабах) мутациями стали, конечно, идеи равноправия женщин¹⁴, меньшинств, атеизма, прав сексуальных меньшинств и т. д.

¹³ Об идее ценностных идентификационных контроверз между пересекающимися «большими и малыми кругами общения» [Зиммель, 1996: 349—373].

¹⁴ И женский роман XIX века может считаться такого рода прививкой.

При этом общество, как правило, поначалу терпимо относится к соответствующему поведению и коммуникации — как к отклоняющемуся, но допустимому (функция формирования иммунитета). Оно приспосабливается и живет, до определенного времени не соглашаясь с образцами экстравагантного поведения, присутствующими «внутри» него (подобно тому, как образцы вирусов и микробов сохраняются в памяти соответствующих клеток живых организмов — именно в такой виртуальной, а в обществе — в письменной и печатной формах, электронных СМИ, а сегодня преимущественно в сетевой форме)¹⁵.

Затем эти ценности и соответствующие им *ways of life* (в тех редких случаях, когда они обладают способностью общеобщественной, а не узкогрупповой интеграции) входят в корпус так называемых всеобщих прав человека.

Понятие *социального иммунитета*, который формирует в себе общество, имеет то преимущество, что объясняет позитивную роль негативных типов коммуникации. В отсутствие такой способности воспринимать чужое *внутри себя*, как и при чрезмерной негативной восприимчивости к чужеродным формам общения¹⁶, общество, находясь в непрерывном процессе поиска и элиминации этих форм, вынужденно направляет этот иммунный потенциал отклонения на самого себя (что можно рассматривать как некий функциональный аналог иммунных заболеваний).

Нам хорошо известно, какие формы самоагрессии развивают избыточно интегрированные сообщества, которые принято называть тоталитарными, т. е. образующими целостность, которая не допускает образование внутренних степеней свободы своих частей. И компенсируя этот недостаток, чтобы создать себе возможность хоть какого-то развития и адаптации к внешнему миру, такие сообщества вынужденно разрушают части самих себя, чтобы допустить хоть какие-то формы мобильности и комбинаторики частей (и «социальные лифты» работают в «тоталитарных» обществах только, прежде всего, через устранение индивидов, кланов, групп влияния и т. д.)

Имитационно-вирусная природа протестного движения

Лучшее понимание и объяснение «социального иммунитета» как функции протеста становится возможным при обращении к связанному с ним понятию «имитационно-вирусной природы» протестных движений. Благодаря этому формируется тот самый *variety pool*¹⁷ для социальных гранд-систем, которые могут черпать в них для себя инновативные коммуникативные образцы (темы, идентичности, нормы, ценности, формы общения). Появляясь как «сингулярная инновация», последняя

¹⁵ Конечно, не следует преувеличивать значение этой аналогии с органической эволюцией. В рамках последней все-таки полученный иммунитет не переводит соответствующие инфекции в статус внутренних позитивных ориентиров для прогрессивного развития форм органической жизни. Правда, в последнее время появляются исследования, доказывающие вирусную природу иммунной системы и некоторых частей ДНК [Chuong, 2016; Brouillette, 2016].

¹⁶ В несколько другом контексте эта идея социальной динамики и культурной диффузии через восприятие чужеродного развивалась Г. Зиммелем в его концепции «Чужака» и независимо от последнего А. Шюцем («the Stranger») [Шюц, 2004: 533—549].

¹⁷ В теории самоорганизующихся систем Р. Эшби под этим термином понимается некий «регион возможностей», которые могут гипотетически актуализироваться на основе предзаданных условий саморегуляции тех или иных систем или организмов (скажем, диапазон температур кондиционера, диапазон частот пульса животных на разных высотах и т. д.) [Ashby, 1962].

мгновенно распространяется *вирусно-имитационным* образом, сначала внутри движения, а затем переносится и на другие сообщества.

Мы можем применить здесь понятие «мема» Р. Докинза, который, правда, полагает его базовой генетической *единицей культуры* («мелодии, идеи, модные словечки, фасоны одежды» и т. д.) как памяти общества в целом [Докинз, 2013].

Такая *культурная* интерпретация мема не позволяет развести уровни генотипа и фенотипа и в целом выглядит триумфом. Если же область комбинаторики «метемических единиц» закрепить за «новыми социальными движениями», то можно понимать мемы в качестве *генетических* единиц, которые (в случае их удачного отбора) в результате имитационно-вирусного самокопирующегося распространения свое *фенотипическое* облачение находят уже в рамках традиционных гранд-систем (политики, хозяйства, даже науки)¹⁸.

Тогда последние можно понимать в качестве своего рода аналогов органических популяций, в рамках которых новообразованные свойства (закрепившиеся нормы, ценности, формы общения как фенотипические воплощения генов), наконец, стабилизируются в виде жестких нормативных ожиданий.

Это понятие *социального иммунитета* и *имитационно-вирусной трансляции* коммуникативных инноваций предполагает *виртуализацию внешней опасности*, которую благодаря протестным движениям (в форме небольших, неорганизованных сообществ) осуществляет общество. Такая *виртуализация опасностей*, т. е. образцов чуждых и девиантных форм жизни и коммуникации осуществляется через инкорпорирование их в себя обществом первоначально *только* в письменно-печатной или вербально-телевизионной форме — в виде переживаний публики, но не в виде практических осуществляющихся социальных действий¹⁹.

Эта вирусно-имитационная природа *телекоммуникации*, не требующая физического перемещения тел коммуникантов и их пространственной близости, как важнейшая модальность социального иммунитета объясняет то, какое стремительное развитие получает сетевая (виртуальная) форма протеста в современном мире.

Телекоммуникация, с одной стороны, *провоцирует* социальные активизм и протестные настроения, поскольку существенно редуцирует психологические риски отклонения предлагаемых контактов и ускоряет распространение протестных идей. Общающиеся виртуально меньше боятся быть отвергнутыми и быстрее формируют протестный образ мыслей. И одновременно, не требуя физических перемещений участников протеста, телекоммуникация способна, с другой стороны, *уменьшать* вероятность физического присутствия в «горячих точках» «диванных армий» протестующих лиц. Здесь протест как бы возвращается к себе самому, находит самые адекватные для себя *виртуальные* формы апробации новых способов коммуникации «отклоняющихся» ценностей и значений.

¹⁸ Применительно к гранд-системе науки таким сопровождающим квазипротестным социальным движением является «паранаука» [Луман, 2017; Антоновский, 2017]

¹⁹ С точки зрения Лумана, все коммуникативное многообразие современных гранд-систем (политики, хозяйства, науки и т. д.) задается четырьмя инвариантными сочетаниями четырех переменных: *действия, переживания, Эго и Другого*. Так, политическая коммуникация стилизуется под комбинацию *Эго Действует — Другой Действует*. А научная (а также ценностно-ориентированная) коммуникация стилизована под комбинацию *Другой переживает — Эго переживает* [Луман 2005: 189—191]. Такой свойственный для науки «дискурс переживаний», которого — как предпосылки действий ее участников — лишена политика, видимо, характеризует и протестную коммуникацию.

Вместо заключения: сетевые перспективы протестного движения — в поисках бинарного медиакода протестной коммуникации

Новейшей характеристикой протеста является его социально-сетевая форма. Функция новых медиа транслировать протестные настроения вытекает из эволюционных трансформаций самого протеста, обнаружившего свою «самую успешную» на сегодняшний день форму в виде особого медиа распространения коммуникации, способного словно *запасать впрок* «протестную энергию» социального страха и тревоги и благодаря этому — компенсировать *нестабильность* психических переживаний и эмоций.

1. Следствия социально-сетевой организации для депсихологизации мотивов протестующих

Социальные сети теперь выступают в виде своего рода «социальных батареек», поскольку по крайней мере некоторые сетевые структуры не дают закончиться, остыть (в этом смысле «подогревая общество, а не воздух») психическому алармизму. Сети транслируют и канализируют алармистские настроения дальше в рамках разветвляющейся сети обсуждений протестной темы, автопоэтически генерируя новые страхи и тревоги.

Другими словами, благодаря сетевому обсуждению, генерируется особого вида «страх за другого», который, с одной стороны, теперь не уходит вместе с угасанием этой тревожной эмоции в сознании, а с другой, даже не требует полноценной реализации этой эмоции в психике и предстает в виде *социального обязательства испытывать тревогу* в некоторых стандартных ситуациях (насилия, ухудшения экологии, эксплуатации и т. д.).

Эмоция становится *социальным фактом*, она транслируется, как бы «воспламеняя» или заражая страхом других. Страх, словно вирус, живет собственной жизнью лишь тогда, когда подсоединяется, имитируется, распространяется благодаря сетевым коммуникациям, инкорпорируясь через социальные сети в протестные коммуникации. Причем эти коммуникации все-таки сохраняют автономию от личностных переживаний, т. е. не являются аффективно-рациональными актами в смысле М. Вебера, а скорее, если уж пользоваться этой классификацией, могут пониматься в контексте ценностно-рационального дискурса.

На такой «страх за другого» (в противоположность традиционному общественному осуждению и санкционированию индивидуального страха, прежде всего, конечно, в отношении мужчин) теперь не накладывается табу. Кроме того, риск отклонения в сетях такого «запроса на переживание страха» существенно уменьшается в сравнении с несетевыми формами коммуникации.

Больше того, этот «страх за другого» не только получает теперь социально разрешенную форму. Коммуникация страха может претендовать и на *приоритет* в конкуренции с другими запросами на контакт и предлагаемыми темами, ведь он стилизуется как *принципиально альтруистическое предложение смысла*, т. е. как форма коллективизма и *новой солидарности* на основе общих тревог и переживаний. В этом смысле это «социальное чувство» (Штомка) существенно отличается от недопустимых и социально санкционируемых выражений эгоцентрических и спонтанных (в особенности мужских) страхов.

2. Следствие социально-сетевой координации для формирования бинарного кода протестной коммуникации

Из такого рода социально-сетевой эволюции протеста вытекает и его другая эмпирическая характеристика. Она состоит, с одной стороны, в приобретении им глобально-мировой формы, а с другой — в слиянии гетерогенных протестных тем в некое комплексное и синтетическое единство. В качестве такого примера манифестации мировой коммуникативной системой *интернет-протеста*, которую М. Кастельс назвал «первой информационной герильей», мы можем указать на знаменитую «Сапатистскую армию национального освобождения» (*Ejército Zapatista de Liberación Nacional, EZLN*), мобилизующуюся в социальных сетях и там же формулирующую комплексную тему протеста против обнищания, неолиберализма, NAFTA, земельной экспроприации и в защиту справедливости, достоинства и свободы [Castells, 2004: 75—85].

Именно интернет-сети с их уникальными возможностями предметно-тематической, социальной и пространственно-временной²⁰ координации протестной активности, видимо, делают возможным формирование слияния частных тем в синтетическое единство и постепенное образование единого бинарного медиакода (по образцу таких бинарных кодов, как *власть/оппозиция, деньги/неплатежеспособность, истина/ложь, законное, незаконное, прекрасное/безобразное, профанное/трансцендентное*). Именно на такие обобщающие и мотивирующие символы или коды ориентируются коммуникации в рамках традиционных гранд-систем, и именно такой код до сих пор отсутствовал у протестной коммуникации. Возможно, именно этим новым сетевым ресурсам означенной координации мы обязаны целой серии «цветных революций» и решению ключевой проблемы протеста: его тематической гетерогенности, рассеянности и маргинальности.

3. Следствия социального осетвления протестных настроений в российской перспективе — *It takes a network to fight a networks*

Именно в таком коммуникативно-сетевом контексте надо понимать идею М. Кастельса о возникновении « сетевого общества » и связанной с этим радикальным изменением временной семантики социального действия. Это означает, что благодаря протестному активизму в его сетевых формах формируется проектное сознание, где виртуализированное будущее, обсуждаемое в сетях, понимается как уже присутствующее в настоящем, хотя в «реальной реальности» доминируют иные традиционные и архаические формы социальной жизни. Такие расходящиеся перспективы реальной и виртуальной реальности приводят к «сетевым войнам и сражениям», хорошо известным нам по описаниям Хардта и Негри²¹.

Такого рода «сетевые войны» можно наблюдать на примере активности «Фабрики троллей» из Ольгино, информация о существовании которой получила широкий медийный резонанс. В данном случае можно говорить о том, что ин-

²⁰ Исходя из системно-коммуникативной методологии, именно в этих трех главных измерениях или горизонтах трехмерного гиперпространства коммуникации некоторый коммуникативный вклад встраивается в некоторую системную последовательность и контекст. Другими словами, если участники приписывают некоторому сообщению общие тематическую, пространственно-временную и социальную релевантности или значения, в этом случае образуются условия для подсоединяющегося коммуникативного вклада и образования системы коммуникаций.

²¹ «It takes a network to fight a network» — как известно, утверждают Хардт и Негри [Хардт, Негри, 2006].

ституциализированные формы коммуникации и соответствующие политические институты пытаются ответить «сетевому протесту» на его собственном языке и в его собственном домене. Характерно, что участники этих войн, будучи ангажированы политическими задачами и институтами, вынужденно вступают на чужое поле и выходят за пределы собственных декларируемых политикой и правовым образом определенных рамок.

Эта вторичная политическая реакция на протест, возможно, связана с фиаско системы политики в ее попытках абсорбции протеста в системный истеблишмент. Такого рода абсорбция протеста, видимо, в принципе обречена на неудачу, поскольку рекрутирование участников протеста в системные организации²² приводит к расколам и умножению протестующих.

Подобная вторичная реакция предполагает переориентацию и мимикрию традиционной политической коммуникации, основанной на публичном полемическом дискурсе оппозиционных и правящей партий, в некое аналогичное протесту антидвижение, направленное против программной темы конкретного протеста. Подобная своеобразная реализация идеи Хардта и Негри все-таки не способна принести пользу агенту-заказчику, а именно — политической гранд-системе. «Антидвижение» вступает в противоречие с фундаментальными программными установками собственного заказчика (прежде всего с нормой безапелляционного следования коллективно-обязательным решениям на основе бинарного коммуникативного кода *власть/подчинение* под угрозой насилия) и подрывает основанный на этом авторитет.

Благодаря активности так называемых «троллей» появляется *третье значение* в медиакode *власть/подчиненные*, а значит — утрачивается определенность (строгое *да/нет*) в следовании коллективно-обязательным распоряжениям. Ведь сетевая структура формально-неорганизованных социальных движений дефинитивно *децентрализована и ризоматична* (в смысле Делеза и Гваттари), а значит — несовместима с циркулирующей властных распоряжений из центра на периферию или сверху вниз. Еще одним примером фиаско имитационных антидвижений стал выход из-под политического контроля ряда антидвижений («стоп-хам» и др.).

Как следствие, такого рода «антидвижения», пытаясь отрицать и нейтрализовать релевантность протеста, не только не нейтрализуют, но, напротив, способствуют, мотивируют и провоцируют дальнейшее коммуникативное обсуждение и «раскрутку» протестной темы. Негативная интерпретация протестной темы лишь добавляет протестной энергии, увеличивает «сетевую напряженность», расширяя сетку обсуждений, провоцирует новые и новые сетевые ответы адептов протестных настроений.

Кроме того, такие *постановочные входы* на чужую сетевую территорию (известный феномен «троллевой активности» на сайтах оппозиционных СМИ, к примеру, радиостанции «Эхо Москвы»), подпитывая собственными ресурсами протестную сетевую активность, вынуждены требовать компенсаторных ресурсов у «материнской системы-донора» (в данном случае политической) и при этом сохранять форму

²² Мы исходим из того, что любая организация (с уставным регулированием инклюзии, обязанностей и прерогатив ее членов и формальных условий выхода) является системно-интегрированной, и в этом смысле несовместима с протестным активизмом.

организации, со всеми ограничениями и демотивациями, которые проистекают из организационной формы такого «псевдодвижения» или «псевдоризомы».

Напротив, их конкурент — протестное движение, счастливо избегает такой обременительной формы, как *организация*, а локализуется на уровне макросистем, т. е. общества в целом. Это значит, что протестное движение может рассчитывать практически на неисчерпаемые источником ресурсов (социальной энергии и времени, самые разные крауд-возможности краудсорсинга и фандрайзинга), апеллирует к самым разным сообществам, но только не к некоторой «материнской» организации-донору, которая у нее попросту отсутствует. Политическая система в этих «сетевых войнах» пытается ангажировать или создавать разного рода «сетевые сообщества», но, как следствие, вынуждена их финансировать, контролировать и направлять, затрачивая на это ограниченные временные и финансовые ресурсы.

В этом контексте у системной политической коммуникации остается единственный выход — табуизация протестной темы хотя бы на уровне массмедийной презентации посредством контроля традиционных СМИ. Но и этот ресурс сопротивления в сетевой войне с сетевым распространением протестных настроений в российских условиях не может быть использован полностью, поскольку системная политическая коммуникация в России все-таки желает предстать современной. Ведь на внешнем уровне она вступила на путь конкуренции (и отчасти конфронтации) с другими политическими системами (прежде всего Европы и США), а последним удалось наладить механизмы сопряжения и даже симбиоза с протестной коммуникацией, дополняющий наблюдательный дефицит политической рефлексии и недостаточную способность политики к полноценным самоописаниям.

Список литературы (References)

Антоновский А. Ю. Наука как общественная подсистема. Никлас Луман о механизмах социальной эволюции знания и истины // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 158—171.

Antonovskiy A. Yu. (2017). Science as a Social Subsystem. Niklas Luhmann about Mechanisms of Social Evolution of Knowledge and Truth. Voprosy filosofii. No. 7. P. 158—171. (in Russ.)

Антоновский А. Ю., Бараш Р. Э. «Истина» и «власть» как категории социальной философии // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 5. С. 120—134. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.08>.

Antonovskiy A. Yu., Barash R. Ed. (2017) «Truth» and «authority» as categories of social philosophy. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 120—134. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.08>. (in Russ)

Бараш Р. Э., Антоновский А. Ю. Радикальная наука. Способны ли ученые на общественный протест // Эпистемология и философия науки. 2018а. Т. 56, № 2. С. 18—54.

Barash R. E., Antonovskiy A. Yu. (2018a) The radical Science. Are the scientists capable of the radical activity // *Epistemology & Philosophy of Science*. Vol. 56. Iss. 2. P. 18—54. (in Russ)

Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю. Социальная философия протеста // *Философский журнал*. 2018b. № 2. С. 57—69.

Barash R. E., Antonovskiy A. Yu. (2018b) Social philosophy of protest. *Filosofskii zhurnal*. No. 2. P. 57—69. (in Russ)

Бараш Р.Э. Антоновский А.Ю. Коммуникативная философия радикального протеста. Генезис радикализма и позитивная программа его исследований // *Вопросы философии*. 2018с. № 5. (в печати)

Barash R. E., Antonovskiy A. Yu (2018c). Communicative philosophy of the radical protest. *Voprosy filosofii*. No. 5. (in print) (in Russ)

Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: АСТ: CORPUS. 2013. 512 с.

Dawkins R. (2013). *The Selfish Gene*. M.: AST: CORPUS Publ. 512 p.) (in Russ)

Зиммель Г. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М.: Юрист. 1996. 607 с.

Simmel G. (1996). *Selected Works. Volume 2. Contemplation of life*. M.: Yurist Publ. 607 p. (in Russ)

Луман Н. Эволюция науки // *Epistemology and Philosophy of Science*. 2017. Vol. 52. Iss. 2. P. 215—253. <https://doi.org/10.5840/eps201752240>.

Luhmann N. (2017). Evolution of science. *Epistemology and Philosophy of Science*. Vol. 52. Iss. 2. P. 215—253. <https://doi.org/10.5840/eps201752240>.

Мангейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист. 1994. 700 с.

Mannheim K. (1994). *Diagnoz nashego vremeni*. M.: Yurist Publ. 700 p. (In Russ.)

Момджян К.Х., Подвойский Д.Г., Кржевов В.С. и др. Системно-теоретический подход к объяснению социальной реальности / К.Х. Момджян, Д.Г. Подвойский, В.С. Кржевов, А.Ю. Антоновский, Р.Э. Бараш // *Вопросы философии*. 2016. № 1. С. 17—42

Momdzhyan K. Kh., Podvoiskii D. G., Krzhevov V. S., Antonovskii A. Yu., Barash R. E. (2016). System and Theoretical Approach to Explanation of Social Reality. *Voprosy filosofii*. No. 1, P. 17—42. (In Russ.)

Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция. 2006. 559 с.

Hardt M., Negri A. (2006). *Multitude: War and Democracy in the Age of Empire*. M.: Cultural Revolution. 559 p. (In Russ.)

Штомпка П. Справедливость [Гл.] / пер. с пол. А.А. Зотов // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2017. № 6. С. 381—399. Гл. из кн.: *Fundamenty dobrego społeczeństwa. Wartości / pod red. Małgorzaty Boguni-Borowskiej*. Kraków: Znak, 2015. P. 232—250. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.21>.

Sztompka P. Justice / transl. from Polish: A. A. Zotov. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. № 6. P. 381—399. Chapter from the book: *Fundamenty dobrego społeczeństwa. Wartości / pod red. Małgorzaty Boguni-Borowskiej*. Kraków: Znak, 2015. P. 232—250. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.21>. (In Russ.)

Шюц А. Чужак: Социально-психологический очерк // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. В. Г. Николаева; сост. Н. М. Смирнова. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОСПЭН), 2004.

Schutz A. (2004) *The Stranger: An Essay in Social Psychology*/ Translated from Germ. An Eng. Moscow. Russ.Polit. Encyclopedia. (In Russ.)

Antonovski A. Yu. (2017) Social Philosophy of Science as the Guardian of the «Incarnation of truth in the World». *Epistemology & Philosophy of Science*. Vol.21. Iss. 1. P. 68—75.

Ashby W. R. (1962) Principles of the self-organizing system. *Principles of Self-Organization: Transactions of the University of Illinois Symposium*, H. Von Foerster and G. W. Zopf, Jr. (eds.), Pergamon Press: London, UK. p. 255—278.

Brouillette M. (2016) Viral ‘fossils’ in our DNA may help us fight infection. *Sciencemag.org*. 2016. March 3. <https://doi.org/10.1126/science.aaf4142>.

Castells M. (2004) *The power of identity*. Wiley-Blackwell. Oxford. 584 p.

Chuong E. B. et al. (2016) Regulatory evolution of innate immunity through co-option of endogenous retroviruses. *Science*. Vol. 351. Issue 6277. P. 1083—1087. <https://doi.org/10.1126/science.aad5497>.

Fuchs Ch. (2005) The Self-Organization of Social Movements. *Systemic Practice and Action Research*. Vol. 19. No. 1. P. 101—137. <https://doi.org/10.1007/s11213-005-9006-0>.

Habermas J. (1969) *Protestbewegung und Hochschulreform* [nach diesem Titel suchen]. Suhrkamp, Frankfurt/Main. 270 p.

Laclau E., Mouffe C. (1985) *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical and Democratic Politics*. London. 240 p.

Luhmann N. (1996) *Protest. Systemtheorie und soziale Bewegungen* (Suhrkamp Taschenbuch Wissenschaft). Suhrkamp Verlag; Frankfurt/Main. 216 p.

Luhmann N. (1994) Systemtheorie und Protestbewegungen. Ein Interview. *Forschungsjournal Neue Soziale Bewegungen*. No. 2. P. 53—69.

McAdam D., McCarthy J.D., Zald M. N. (1996) *Comparative Perspectives on Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings*. Cambridge: Cambridge University Press. 446 p.

Offe C. (1985) New Social Movements: Challenging the Boundaries of Institutional Politics. *Social Research*. Vol. 52. No. 4. P. 817—867.

Sztompka P. (1994) Jenseits von Struktur und Handlung. Auf dem Weg zu einer integrative Soziologie sozialer Bewegungen. *Forschungsjournal Neue soziale Bewegungen*. No. 2. P. 70—80.

Touraine A. (1985) An introduction to the study of social movements. *Social Research*. Vol. 52. No. 4. P. 749—787.